

УДК 394.4

Особенности организации столичных торжеств в позднеимперский и раннесоветский периоды: пространство, время, идеология

С. А. Лиманова

Лиманова Светлана Андреевна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Архив РАН, Москва, serovasvetlana@mail.ru

В статье выявляются способы организации столичных торжеств в 1894–1924 гг. В центре внимания автора – городское столичное пространство, являвшееся «сценой» для подготовки публичных торжеств сначала самодержавной монархией, затем Временным правительством и, наконец, советской властью. Показана трансформация влияния различных факторов на выбор вектора торжества – от централизации к децентрализации и обратно. С помощью источников личного происхождения прослежен неоднозначный процесс «стирания» прошлого. Рассмотрены попытки конструирования новых видов торжеств. Формулируется вывод о наличии континуитета в вопросах организации торжественных мероприятий государственного уровня позднеимперского и раннесоветского периодов, а также в использовании коммеморативных практик.

Ключевые слова: торжество, сценарий, ритуал, праздник, организация торжеств, репрезентация власти, Николай II, Ходынка, десакрализация, В. И. Ленин, А. В. Луначарский.

Поступила в редакцию: 20.03.2020 / Принята: 01.07.2020 / Опубликована: 21.12.2020

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

Special Aspects of Organizing Celebrations in St. Petersburg (Petrograd) and Moscow in 1894–1924: Space, Time, Ideology

S. A. Limanova

Svetlana A. Limanova, <https://orcid.org/0000-0002-9189-0963>, Archive of the Russian Academy of Sciences, 34 Novochemyomushkinskaya St., Moscow 117218, Russia, serovasvetlana@mail.ru

The article is devoted to revealing the ways of organizing the metropolitan celebrations in 1894–1924. The author focuses on the city's metropolitan area, which was the 'stage' for preparing public celebrations, first by the autocratic monarchy, then by the Provisional government, and finally by the Soviet government. Based on organizational documentation, the article shows the transformation of the influence on the choice of the triumph vector from centralization to decentralization and vice versa. Using sources of personal origin, the ambiguous process of 'erasing' the past is traced. And attempts to design new types of celebrations are considered. As a result, it is concluded that there is continuity in the organization of ceremonial events at the state level of the late Imperial and early Soviet periods, as well as in the use of commemorative practices.

Keywords: celebration, scenario, ritual, organization, representation of power, Nicholas II, Khodynka, desacralization, V. I. Lenin, A. V. Lunacharsky.

Received: 20.03.2020 / Accepted: 01.07.2020 / Published: 21.12.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453>

Ритуализация власти – явление, в той или иной мере свойственное всем обществам на разных этапах развития¹. В имперских державах она достигает апогея, становясь основой всей системы. Строгая иерархичность и многофункциональная церемониальность замыкаются на идее персонификации (культ). После того, как империя распадается, начинается поиск новых видов ритуальной коммуникации. И, поскольку они не могут взяться из ниоткуда, период трансформации и переосмысления прежних практик оказывается наиболее плодотворным для изучения механизма (ре)презентации власти в целом (в данной статье под термином «(ре)презентация» будет пониматься как реальное появление главы государства перед народом в ходе церемоний и торжеств, так и его последующие, «вторичные» изображения). В российской истории таким периодом стал рубеж XIX–XX вв.

К концу XIX в. сложился определенный, четко прописанный комплекс церемониальных действий, позволявших самодержцу презентовать свою личность и поддерживать престиж монархии. Самыми эффектными и в то же время затратными мероприятиями по демонстрации имперского величия были официальные торжества, большинство из которых устраивались в столицах – Петербурге и Москве. При Николае II (1894–1917) главными торжествами начала правления традиционно являлись похороны предшественника на троне (1894) и коронация (1896). В продолжение царствования праздновались многочисленные юбилеи, наиболее яркими из которых были 200-летие Петербурга (1903), 100-летие Отечественной войны (1912) и 300-летие династии Романовых (1913); проводились церемонии открытия имперских памятников; устраивались встречи глав государств на высшем уровне с привлечением городского населения².

Подготовка торжеств с участием императора находилась в ведении Министерства императорского двора. Для организации юбилеев создавались специальные комиссии (комитеты), состав и длительность работы которых зависели от специфики и размаха празднований. Самым представительным и долго функционирующим (с апреля 1910 г. по январь 1914 г.) стал Комитет

для устройства празднования 300-летия дома Романовых³. Его председателем являлся член Государственного Совета гофмейстер А. Г. Булыгин, а в состав вошли представители всех министерств и главных ведомств.

Организация имперских торжеств велась отработанными методами с применением технических новинок. Это делало общее действо более привлекательным и расширяло зрительскую аудиторию, но вместе с тем изменяло привычный образ монархии. Изображения его величества можно было увидеть на фотографиях, сувенирной продукции; высочайшие церемонии – на кадрах кинохроники; выезды совершались не только на лошадях, но и все чаще – в автомобилях; налаживалось телефонное сообщение и т. д. Имперские торжества отражали всю совокупность (ре) презентации власти, что сказывалось на способах организации торжественных мероприятий, включавших разработку церемониалов (программ); информационное сопровождение (подробные описания и статьи в прессе, специальные издания и брошюры); обеспечение безопасности; декорирование торжественного пространства (драпировка материей, украшение зеленью и имперскими флагами, размещение гербов с двуглавыми орлами и инициалов их величеств); применение коммеморативных практик (изготовление сувениров, издание памятных и юбилейных книг, использование имен членов императорской фамилии в топографических названиях, наличие памятных дат).

Важную роль во всем «сценарии» («сценарии власти» – термин Р. Уортмана применительно к имперской политике России XVIII–XIX вв.⁴; в данной статье слово «сценарий» в качестве основы торжества, набора непереносимых элементов будет использоваться несколько шире как для позднимперского, так и для раннесоветского периодов) играло столичное пространство, служившее своеобразной «сценой» для церемоний и торжеств с участием императора, рассчитанных на «массового зрителя». Согласно переписи населения 1897 г. в Петербурге проживали 1 млн 265 тыс. чел., в Москве – 1 млн 39 тыс. (для сравнения в середине XIX в. в Петербурге насчитывались около 500 тыс. жителей, в Москве – 350 тыс.). К концу XIX в. публичные мероприятия оставались крайне востребованными, более того, участие в них большого количества городского населения расценивалось как проявление верноподданнических чувств и одобрение проводимой государственной политики. Однако обеспечивать безопасность при столь больших скоплениях людей становилось все сложнее. С одной стороны, набирала темпы урбанизация и возрастала общая мобильность населения. С другой, сама городская среда становилась все более «враждебной». Многочисленные покушения на императора Александра II и его трагическая смерть (1881), крушение императорского поезда в Борках (1888), инцидент

с великим князем и наследником цесаревичем Николаем Александровичем в Оцу (Япония, 1891), – все это приводило к тому, что представители императорской фамилии не могли чувствовать себя в безопасности ни в путешествиях, ни на городских улицах, ни в собственных резиденциях. Император Александр III в первые годы правления вообще избегал посещения Петербурга. Вместе с семьей он жил в Гатчинском дворце, за что получил прозвище «гатчинский узник». Император Николай II, как и отец, больше любил загородную жизнь, предпочитая Александровский дворец в Царском Селе, и все же первые 10 лет своего правления (1894–1904) приезжал в Петербург на все важные ежегодные церемонии, включая новогодний дипломатический прием в Зимнем дворце, Водосвятие, Пасху и другие церковные службы, полковые праздники и военные смотры, встречи представителей иностранных государств.

Весной 1895 г. в Москве был раскрыт кружок И. Распутина⁵, готовивший покушение на императора Николая II во время коронационных торжеств. Заговорщиков вовремя остановили, но опасности, сопряженные со следованием императора по московским улицам, сохранялись. В результате тщательнейшему осмотру были подвергнуты маршруты высочайшего следования, близлежащие здания, проверены жильцы и постояльцы, усилены меры предосторожности на железных дорогах. Распорядители торжеств настолько увлеклись обеспечением безопасности императора, что упустили из виду другой крайне важный момент – размещение народа, собравшегося на народном гулянье в честь коронации. Это привело к печально известным событиям на Ходыньском поле, где, по разным данным, побывало от 500 до 800 тыс. празднующих. В возникшей давке погибли 1389 чел., еще 1301 получили увечья различной тяжести⁶. Расследование выявило ряд существенных просчетов при подготовке торжеств⁷, но высокопоставленные чиновники, виновные в произошедшем, так и не были наказаны. Более того, император Николай II оказал публичную поддержку своему дяде – великому князю Сергею Александровичу, московскому генерал-губернатору, прозванному в народе «князь Ходынский». Все это сказалось на имидже монархии самым неблагоприятным образом. Рассуждая о феномене «массового общества» в позднимперский период, современные исследователи рассматривают Ходыньскую катастрофу как яркое свидетельство несоответствия «технологии власти» конца XIX в. социально-политическим реалиям⁸.

С момента восшествия на престол императора Николая II накапливалось недовольство. Запрещенные организации, загнанные в подполье в царствование Александра III, периодически давали о себе знать. Они выпускали листовки революционного содержания, в которых безапелляционно заявлялось: «Мы мало ожидаем хорошего

сверху. Мы не должны просить у царя подачки, а решительно требовать своих прав» (1894 г.); «Пора чтобы в России можно было открыто, а не тайно писать, печатать и читать обо всем. Нам нужна полная свобода печати, как хлеб насущий. Но нечего обманывать себя! Свобода печати несовместима с самодержавным правительством: для того чтобы завоевать первую, необходимо свергнуть второе!» (1903 г.); «Часы Зимнего Дворца не дремлют – они бегут и бегут, и скоро стрелки их остановятся на той минуте, о которой историк скажет: “Такого-то числа, в такой-то час русский народ воздвиг виселицу для вешателей”» ([1905])⁹. В разных контекстах припоминались все грубые и ошибочные действия власти: Ходынка, поражение в Русско-японской войне, жестокие меры по борьбе с беспорядками, «бессмысленные» траты денег и т. д.

Революционная волна 1905–1907 гг. была хорошо подготовлена в информационном плане, а в процессе ее подавления появился еще и реальный опыт «завоевания» городского пространства. Впрочем, в той или иной форме такое противостояние продолжалось на протяжении всего царствования Николая II, что хорошо видно в том числе на примере официальных торжеств разных лет. В 1896 г. во время проведения московских коронационных празднеств в Петербурге набирала обороты стачка текстильщиков (информацию об этом запрещалось распространять в прессе); в 1909 г. открытие памятника императору Александру III сопровождалось ярко выраженной негативной реакцией общественности (уже нашедшей отражение в прессе); в мае 1912 г. «новую версию» памятника открывали в Москве, в то время как на приисках Ленского золотопромышленного товарищества в разгаре были забастовки, приведшие к расстрелу части бастовавших (до 270 убитых, 250 раненых; в некоторых источниках приводятся другие данные¹⁰); в июле 1914 г. во время дружественного визита французского президента Р. Пуанкаре трудно было сдерживать вызванные забастовками рабочих беспорядки уже в самом Петербурге. Своего рода «точкой невозврата» стали события 1905 г., когда «мирное шествие» к царю переросло в события «Кровавого воскресенья» (130 убитых¹¹ и 299 раненых по официальным данным¹², эти цифры неоднократно оспаривались). С 1904 и вплоть до 1907 г. Николай II практически не появлялся в Петербурге, оставаясь «затворником» в Царском Селе вместе со своей семьей. Последовавшие затем юбилейные кампании 1907–1913 гг., нацеленные на объединение лояльных самодержавию подданных, тем не менее, с точки зрения организации, имели тенденцию к децентрализации (результат переосмысления Ходынской катастрофы¹³) и разделению сословных групп в рамках общего торжества. Прежнего наглядного «слияния» людей в одном восторженном порыве теперь можно было добиться только устраивая празднования вдали от столиц, что и

доказали торжества в честь 300-летия династии Романовых.

Реакция подданных на проведение официальных торжеств – важный маркер для выявления общественных настроений, но только в том случае, если эта реакция оценивается объективно. Еще в 1902 г. хорошо знавший народные настроения писатель Л. Н. Толстой предупреждал императора: «Вас, вероятно, приводит в заблуждение о любви народа к самодержавию и его представителю – царю то, что везде при встречах вас в Москве и других городах толпы народа с криками “ура” бегут за вами. Не верьте тому, чтобы это было выражением преданности вам, – это толпа любопытных, которая побежит точно так же за всяким непривычным зрелищем»¹⁴. Запросы зрителей и участников торжеств постоянно росли и, действительно, ожидание «зрелища» постепенно стало преобладать над верноподданническими чувствами.

В то же время революционеры не переставали критиковать правящую власть, выстраивая свою систему «альтернативных» праздников и торжеств. Одни из них возникали спонтанно, но умело использовались для привлечения обывателей (например, похороны Н. Э. Баумана в октябре 1905 г. в Москве); другие – намеренно старались сделать ежегодными, несмотря на противодействие правящего режима (память о жертвах 9 января, женский праздник 8 марта, праздник трудящихся 1 мая¹⁵). Это были «протестные праздники», которые позволяли выявить «своих» и сплотить имеющиеся силы. При организации таких мероприятий учитывался опыт рабочих из других стран. В заграничных типографиях регулярно выпускали материалы, обличающие самодержавие («Дом Самозвановых», «Юбилей позора нашего (1613–1913) – триста лет Романовых и лже-Романовых», «Последний Самодержец» и др.).

С началом Первой мировой войны масштабные имперские торжества больше не устраивались. Столичный Петербург переименовали в Петроград. Император Николай II вместе с наследником цесаревичем Алексеем проводили смотры в действующей армии. Иллюзия единства «царь–народ» вновь просуществовала какое-то время, пока объявляли о начале войны с балкона Зимнего дворца. В Москве на Красной площади устраивались молебны о даровании победы. Однако общий патриотический порыв довольно быстро сменился повсеместным разочарованием. Через какое-то время это отразилось и на восприятии образа монархии¹⁶. Даже благие побуждения и действия стали истолковываться превратно, а Николаю II нашли «альтернативу» в лице великого князя Николая Николаевича (Младшего). Император попытался переломить упаднические настроения, сменив великого князя Николая Николаевича на посту верховного главнокомандующего, но подобный шаг имел кратковременный эффект.

Параллельно по столицам ходили различные непристойные слухи об императорской семье. К концу 1916 г. ситуация накалилась до предела.

Таким образом, борьба за пространство, в частности информационное, началась гораздо раньше 1917 г., и с каждым годом противостояние только усиливалось¹⁷. После объявления об отречении императора Николая II в марте 1917 г. слухи стали обретать «реальное воплощение»: статьи в газетах не скупились на «сенсационные новости» и «разоблачения», в кинотеатрах показывали снятые на скорую руку картины типа «Темные силы – Григорий Распутин и его сподвижники», «Любовные похождения Гришки Распутина», «Торговый дом Романов, Распутин, Сухомлинов, Мясоедов, Протопопов и Ко» и др. Тогда же разгорелась «война с символикой». Сначала такие проявления носили стихийный характер (сбивание гербов, сжигание флагов), но постепенно закреплялись распоряжениями Временного правительства (отмена титулов, замена топографических названий и т. д.). Процесс десакрализации монархии перешел в новую активную фазу.

На волне «эйфории победы» и пренебрежения к недавнему прошлому в первом полугодии 1917 г. новой властью было скоординировано два важных общероссийских мероприятия – похороны жертв революции в Петрограде (23 марта) и «свободный» Первомай (18 апреля), которые готовились в кратчайшие сроки и отвечали интересам «революционной толпы». Именно это усложняло их организацию. Одной из главных проблем стала необходимость обеспечения порядка на столичных улицах. Комиссия по устройству похорон рассматривала несколько локаций для захоронений. Изначально планировалось делать их по районам – децентрализованно, но затем все-таки возобладал вариант централизованных похорон. Местом братской могилы определили Дворцовую площадь (площадь перед бывшей царской резиденцией – Зимним дворцом), однако под напором общественного мнения итоговый выбор был сделан в пользу Марсова поля¹⁸. Участник революционного движения экономист Н. Н. Суханов в «Записках о революции» делился рассуждениями на этот счет: «И риск, и трудности были <...> огромны. Обеспечить порядок приходилось в полном смысле самому населению, и приходилось положиться на его сознательность и самодисциплину. Молодая милиция и громоздкий, разбухший, совершенно неопытный в этих делах гарнизон сами по себе ничего не могли сделать. Зато, если бы все сошло хорошо, это был бы блестящий экзамен и новая огромная победа петербургской демократии»¹⁹.

Участниками этого печального торжества, по разным оценкам, стали от 800 тыс. до 1,5 млн чел. В качестве превентивной меры были разработаны маршруты следования похоронных процессий из районов Петрограда (Василеостровского, Петроградского, Выборгского, Нарвского, Невского, Московского) на Марсово поле с распределени-

ем времени прихода и ухода каждой колонны. Такой подход отличался от следования единой похоронной процессии с гробом императора Александра III в 1894 г. от Николаевской вокзала в Петропавловскую крепость, но по своей структуре имел много общего с организацией крестных ходов. Вероятно, во избежание возможных аналогий проведенная в 1917 г. церемония погребения была подчеркнута гражданской. Отпевание погибших проводилось по просьбе родственников уже поздней ночью и фактически тайно. Эта особенность похорон жертв революции четко врезалась в память современников. Однако при проведении по аналогии с Петроградом «красных похорон» в других городах России данный вопрос решался не столь категорично. Процессии в Петрограде активно фотографировали с разных ракурсов, а их передвижение фиксировали на кадры кинохроники. В дальнейшем появились многочисленные открытки и фильм «Национальные похороны героев и жертв Великой Русской революции на Марсовом поле в Петрограде 1917 г.».

Главным же «праздником свободы» стал Первомай 1917 г. Впервые это торжество граждане «свободной» России могли отметить так, как хотели: «Весь Невский, на всем протяжении, был запружен толпой. <...> Собирались вокруг того или иного центра плотные кучки и рассеивались вновь. Никто никуда не спешил; никто не вышел сюда ни за делом, ни для официального торжества. Но все *праздновали*, и все впервые вышли сюда – на люди, в толпу, на улицу своего города – со своим праздником и занимались здесь своими делами»²⁰. Невский проспект определялся как «завоеванный народом». В Москве также бо́льшая часть города превратилась в площадку для празднований – от Красной площади и центральных улиц до более отдаленных районов (Петровский парк, Сокольники, Воробьевы горы), повсеместно устраивались митинги под открытым небом. Собравшимся не надо было объяснять, для чего они пришли, и в то же время каждый стремился почувствовать себя частью торжества. В связи с этим возникли желания принести сделанные на скорую руку красные флаги, эмблемы, плакаты с революционными лозунгами (за мир, братство, 8-часовой рабочий день и т. д.); спеть всем вместе песни – «Вставай поднимайся, рабочий народ», «Мы жертвою пали», различные варианты Марсельезы. По большому счету делали все то, что ранее находилось под строжайшим запретом.

Представители Временного правительства, исполнительного Комитета Государственной думы, Совета рабочих и солдатских депутатов не инициировали эти торжества, но вынуждены были взяться за организацию и работать слаженно, чтобы наглядно продемонстрировать достижения революции. Следующий этап мог бы предполагать поиски новых форм торжеств, видов декоративного оформления и музыкального сопровождения, выявление общего творческого потенциала.

Однако борьба за власть не была окончена, и в продолжение нескольких лет перспектива разработки новых направлений отошла на второй план, вместо этого происходила вынужденная трансформация прежних ритуальных практик при полном переосмыслении идеологической компоненты. Сразу отказаться от уже апробированных способов организации торжеств было довольно сложно, зато можно было использовать их в собственных интересах, заменяя или усовершенствуя отдельные элементы.

Осенью 1917 г. власть перешла в руки большевиков, которые, несмотря на четкие представления об идейной направленности своих действий, при первых попытках проведения революционных торжеств столкнулись с рядом объективных трудностей. Сами организаторы сетовали на многие просчеты и упущения. Так, в Комитете по Октябрьским торжествам в 1918 г. обсуждался вопрос уличного декорирования. «Навешивание материи и зелени»²¹ (как атрибут имперских торжеств) было признано устаревшим, хотя такой вид убранства все еще продолжали использовать. В качестве замены предлагались панно с революционной тематикой и лозунгами, но их не всегда успевали сделать, поэтому в ход шли все подручные материалы, оставшиеся от прежних торжеств. С такими рабочими моментами приходилось сталкиваться постоянно. В то же время один из главных идеологов советской власти А. В. Луначарский, отстаивая в 1920-е гг. необходимость более тщательного планирования торжественных мероприятий, охарактеризовал первый опыт следующим образом: «Я помню немало великолепных праздников, порожденных русской революцией. 1-е мая 1918 г. был отпразднован в Петрограде необыкновенно ярко и живописно. Много было удачных моментов в октябрьских празднествах того же рода. Тем не менее мы в этом отношении оказались менее живыми, одаренными меньшим творческим гением как в смысле организаторов, так и в смысле отзывчивости масс, чем французы конца XVIII века»²².

В начале 1918 г. советское правительство переехало из имперского Петрограда (Петербурга) в Москву. Это было стратегическое, политическое и идеологическое решение. Из визуального поля и народной памяти следовало «стереть» любые свидетельства имперской эпохи, что привело к новому этапу «войны с символами». На государственном уровне это выразилось в принятии «Декрета о памятниках Республики» (14 апреля 1918 г.), согласно которому городское пространство необходимо было очистить от имперских монументов и заменить их новыми, революционными фигурами. Совет народных комиссаров выразил пожелание, чтобы «в день 1 мая были уже сняты некоторые наиболее уродливые истуканы и поставлены первые модели новых памятников на суд масс»²³. Под «уродливыми истуканами» в первую очередь подразумевались имперские

памятники рубежа XIX–XX вв., которые в ходе событий 1917 г. превращались в импровизированные трибуны для революционеров и «украшались» красными флагами.

Распоряжение о сносе памятников претворялось в жизнь довольно вяло, поэтому потребовалось личное вмешательство В. И. Ленина. Более активная фаза «свержения» монументов в Москве пришлось на период появления слухов о расстреле царской семьи (эти слухи впоследствии подтвердились). К октябрю 1918 г. в срочном порядке устанавливались временные памятники героям революции. Качество таких монументов было весьма сомнительным и не устраивало даже самих организаторов, но на тот момент важно было закрепить успех. А. В. Луначарский писал об этом позднее: «Во время таких праздников взрывали или сжигали своеобразных идолов, изображавших прошлое, и раскрывали с соответственным церемониалом временные, но, тем не менее, прекрасные статуи – *аллегорию новой жизни*»²⁴. Того же эффекта «очищения» пытались добиться с помощью возникших ритуалов сожжения чучел врагов революции²⁵.

Подобный подход устраивал далеко не всех. Разрыв с прошлым происходил весьма болезненно и не всегда находил понимание. Картина привычного мироустройства рушилась на глазах. Люди терялись в новых календарях, не понимая, какие праздники стоит отмечать, а какие нет и почему (в источниках личного происхождения можно обнаружить информацию о праздновании в семьях таких праздников, как Рождество, Пасха, именины как в этот период, так и в более поздний, вплоть до 1930-х гг.). Критически настроенный современник событий москвич Н. П. Окунев записал в дневнике: «Ехал сегодня в трамвае по Каменному мосту и – увы! – видел оттуда, что памятники Александрам Второму и Третьему уже разорены, самих статуй нет: сняли вчистую. Какие же все же суетники эти советские работники! Снятие памятников, флаги, красноармейские звезды, телеграммы Ленину, бюллетени о его болезни, – все ведь это “буржуазные” замашки». И на следующий день добавил к этим рассуждениям: «Видел в кинематографе картину “Снятие памятника Александру Второму”. Тяжелое зрелище! Как будто режут на части живого человека и говорят: “Смотри вот, как это делается, и учись”. Не достаёт еще демонстрировать на экране расстрелы»²⁶. Городское пространство продолжало оставаться ареной борьбы. Утром 30 августа 1918 г. в Петрограде был убит председатель Петроградской ЧК М. С. Урицкий, вечером того же дня в Москве было совершено одно из самых известных покушений на В. И. Ленина. В качестве ответной меры прозвучал призыв к беспощадному массовому террору против всех врагов революции. Противостояние «красной» столицы и «белых» городов нарастало.

За годы Гражданской войны (1917–1922) различные виды торжеств, равно как и способы

их организации, превратились в своеобразные методы борьбы. Характерен такой пример. В марте 1919 г. в Петрограде стараниями актеров-красноармейцев было организовано игрище под названием «Свержение самодержавия». Оно состояло из нескольких актов, отсылавших к событиям недавнего прошлого – от расстрела мирной демонстрации рабочих («Кровавое воскресенье») до ареста Николая II и торжества похорон жертв революции. Сюжеты, разыгранные в спектакле, оказались востребованы публикой, и в разных комбинациях воспроизводились на сценах в течение всего 1919 г.²⁷ 21 мая того же года в Павлодаре белые офицеры и казаки праздновали «годовщину свержения советской власти»²⁸. На площади при большом стечении народа был отслужен благодарственный молебен, после чего состоялся парад войск. Торжества представляли собой важный инструмент маркирования пространства завоеванных территорий.

«Белые» ориентировались на имперские церемонии, в особенности на церковные; «красные» все активнее обращались к поиску новых видов торжеств. Особенно продуктивными в этом плане стали 1920-е гг.²⁹ В 1920 г. в Петрограде были организованы такие масштабные и зрелищные театральные инсценировки, как «Мистерия освобожденного труда» (Первомай) и «Взятие Зимнего дворца» (3-я годовщина Октября)³⁰. Бывшая имперская столица превратилась в своеобразную «лабораторию» по «испытанию» способов организации раннесоветских торжеств. Именно тогда участники шествий, мистерий, театрализованных представлений могли почувствовать максимальную свободу действий, они переставали быть пассивными зрителями, активно вливаясь в само торжество. Продолжавшиеся несколько лет споры о том, должен ли праздник быть самоорганизованным или заранее четко спланированным, в конечном счете решились в пользу второго варианта. Последующие торжества носили все более выраженную печать официоза, гораздо четче стала проступать «линия партии»³¹. Первый сигнал к этому прозвучал еще весной 1920 г. во время празднования 50-летия со дня рождения В. И. Ленина. Для того чтобы понять это, необходимо обратиться к трансформации государственной идеологии первых лет советской власти. Начиная с 1918 г., в качестве двух основных государственных торжеств выделились Октябрь и Первомай. Октябрьские торжества служили символом победы народа (во главе с партией большевиков) в революционной борьбе, являлись олицетворением выбора нового, правильного пути исторического развития. Благодаря использованию все тех же коммеморативных практик, только с новым идейным содержанием (распространение агитационных брошюр, выпуск специальных изданий, разработка советской символики, возведение памятников героям революции, съемка кинохроники, топографические переименования)

создавался культ Революции, революционной борьбы. Майские празднования позволяли экстраполировать этот принцип еще дальше.

Помимо радости за возможность трудиться на новых условиях, появлялась надежда на победу пролетариата в неравной борьбе с буржуазией во всем мире. Особенно настойчиво идея мировой революции стала транслироваться после «рождения» в 1919 г. III Интернационала (Коминтерна). Все эти попытки сыграть на неких отвлеченных понятиях, равно как развить идею, не находящую подкрепления в реальной жизни, не могли дать длительного эффекта. Революцию необходимо было персонифицировать. Для этого перед глазами имелся живой пример выдержки, ума, рационального подхода к нуждам рабочих и крестьян в лице харизматичного вождя – В. И. Ленина. Его 50-летний юбилей и стал поводом сделать акцент на уже реализованных мероприятиях большевистской власти, на успехах революции, на дальнейших перспективах совместного пути. В. И. Ленин неоднократно выступал с речами о достижениях большевиков, но предостерегал при этом от возвеличивания отдельных, пусть и выдающихся, лидеров и противопоставления их рабочим массам, партии; принцип «вождизма» не был близок ему. Однако именно этот принцип лег в основу имевшего место впоследствии «культа личности»³².

Краеугольным событием в формировании нового культа стали похороны В. И. Ленина в январе 1924 г. в Москве. Организация похорон имела много общего с имперскими торжествами, что позволило современникам легко «считать» предложенный «сценарий». Подобного рода печальные торжества, только в меньших масштабах, уже проводились в Петрограде и Москве в период 1918–1924 гг.: похороны В. Володарского (1918), М. С. Урицкого (1918), М. Т. Елизарова (1919), Я. М. Свердлов (1919), И. Ф. Арманд (1920) и других революционных деятелей. Они были отличительной чертой революционных исканий, что отмечалось исследователями, проводившими аналогию с Французской революцией: «По иронии судьбы, в эпоху революции именно погребальные церемонии <...> получили наибольший резонанс»; «смерть окончательно становится средоточием революционных праздников»³³.

Похороны В. И. Ленина превратились в событие общероссийского масштаба. В состав Комиссии по организации похорон вошли Ф. Э. Дзержинский (председатель), В. Д. Бонч-Бруевич, К. Е. Ворошилов, А. С. Енукидзе, И. А. Зеленский, М. М. Лашевич, В. М. Молотов, Н. И. Муралов и др. Похоронные мероприятия включали следующие этапы: извещение о смерти и дальнейшие оповещения о порядке похорон через прессу; торжественное перемещение похоронной процессии на поезде со станции Горки на Павелецкий вокзал, далее печальное шествие от вокзала до Колонного зала Дома Союзов; вы-

ставление гроба с телом для прощания; убранство зала тропическими растениями (на экзотические пальмовые ветви, перекликающиеся с имперской традицией окружать покойного правителя тропическими растениями, указывается и в монографии Н. Тумаркин³⁴); дежурства у гроба; фотографии на смертном одре; возложение траурных венков; увековечивание памяти (сувениры, скульптуры, мемориалы). Все эти элементы были хорошо отработаны еще в начале XVIII в. при Петре I, который модернизировал московской церемониал в имперский с помощью европейских образцов. Разве что тогда не было фотографии, и с лица умершего снималась только посмертная маска. Последним самодержцем, похороненным по такому «сценарию», стал император Александр III (1894). Интересен и еще один нюанс: изначально гроб с телом В. И. Ленина собирались выставить в Георгиевском зале Большого Кремлевского дворца, но затем от этого варианта отказались³⁵.

Разительно отличался выбор звукового сопровождения. Если в имперский период основные этапы торжества отмечались колокольным звоном и пушечной пальбой, то теперь – военным салютом (артиллерийскими залпами), гудками фабрик и заводов. Проведение церковной службы заменялось исполнением Интернационала и траурных маршей (в записке А. В. Луначарского так и было указано: «Церковных мотивов играть нельзя»³⁶). С речами выступили многие соратники В. И. Ленина. Почетный караул формировался из делегатов Съезда Советов, членов ЦК РКП (б), ЦИК, ВЦИК, а также из рабочих и крестьян. Главными зрителями и в то же время действующими лицами прощания с В. И. Лениным стали многочисленные делегации трудящихся. Во время прохождения рабочих организаций хор исполнял «Мы жертвою пали...» и «Не плачьте над трупами павших бойцов...».

При подготовке траурного мероприятия организаторы много внимания уделили рассредоточению публики. Как и во время петроградских похорон жертв революции 1917 г., было составлено расписание движения делегаций от московских районов (Рогожско-Симоновского, Бауманского, Сокольнического, Замоскворецкого, Хамовнического, Краснопресненского³⁷) к Дому Союзов с целью избежать скопления народа в одном месте и в одно время. Вокзал, все площади и улицы по маршруту следования тщательно охранялись. Регулярно собирались оперативные сводки о политических настроениях и деятельности московского гарнизона³⁸. Население столицы призывали строго следовать указаниям распорядителей. В шестивях запретили участвовать детям из-за сильного мороза³⁹, но все просчитать было очень трудно. В частности, пришлось столкнуться с огромным наплывом желающих из других городов отдать дань памяти вождю революции. Размещать такое количество вновь прибывших не было возможности, поэтому им предлагалось

покидать Москву сразу после прощания. В то же время более 4 тыс. чел. потребовалась помощь врачей по причине обморожения, ушибов, обмороков и т. д.⁴⁰

Похороны изначально готовились как масштабное действо, но вряд ли организаторы в полной мере отдавали себе отчет, насколько массовым и резонансным оно станет. При прощании с императором Александром III Петропавловский собор Петербурга с 1 по 7 ноября 1894 г. посетили 179 500 чел., не считая представителей войск, военно-учебных заведений и лиц, съезжавшихся на панихиды⁴¹; около гроба В. И. Ленина в Доме Союзов в Москве с 23 по 27 января 1924 г. согласно опубликованным данным прошли от 900 тыс. до 1 млн чел.⁴² Люди приезжали проститься лично; письма и телеграммы с соболезнованиями присылали со всех концов земного шара; появилось множество заметок, статей, воспоминаний; множились различные изображения В. И. Ленина; была организована киносъемка похорон. Примечательно, что, несмотря на отсутствие предварительной цензуры, портреты и снимки В. И. Ленина, как прижизненные, так и сделанные в процессе похорон, перед распространением проходили тщательный отбор⁴³. В результате тело В. И. Ленина решено было поместить в Мавзолею, а Комиссия по организации похорон превратилась в Комиссию по увековечиванию памяти (проработала до июня 1926 г.). Одной из мер, предпринятых ею, стало переименование Петрограда в Ленинград.

Обращаясь к изучению организации позднимперских и раннесоветских торжеств, нельзя не заметить некоторые общие тенденции. «Сценарий» торжества претерпевал изменения под действием вполне объективных причин. Трансформации начались еще на рубеже XIX–XX вв. из-за стремления вовлечь в действие как можно большее количество участников. Сословные границы не позволяли пересмотреть общую модель, а потому центростремительный вектор торжества уступил место децентрализации. Появилась антитеза «столица–провинция», и в то же время отдельные столичные районы начали противопоставляться друг другу. Политическое пространство маркировалось различными видами торжеств, но их структура оставалась прежней. Вопросы обеспечения безопасности, возникшие после событий на Ходынке, необходимо было решать и при монархическом правлении, и в период Временного правительства, и представителям советской власти. Во всех случаях опираться приходилось на уже имеющийся опыт и зачастую действовать «от противного». Вместе с тем в приоритете оставался возврат к центростремительной модели организации, поскольку только такое торжество могло продемонстрировать настоящее «народное единение». По мере завершения Гражданской войны стало очевидно, что советская власть не остановится на принципе «самоорганизации» трудящихся, а пойдет по пути все большего увеличения контроля.

Появились новые флаги, гербы, лозунги, топографические названия, звучали революционные мелодии, но сама организация торжеств, которые должны были зафиксировать политические изменения, во многом осуществлялась прежними методами. Более того, многие «буржуазные» приемы, такие как подача нужной информации через прессу, телеграф и телефон для более быстрого распространения новостей, декорирование торжественного пространства как часть общей концепции торжества, выстраивание процессий (шествий, колонн), съемка ключевых моментов торжеств, распространение выверенного образа власти, использовались в полной мере.

Вопреки многочисленным попыткам создать что-то новое, в ряде случаев было проще и быстрее обратиться к хорошо известным, понятным широкой аудитории способам (ре)презентации власти. Таким образом, происходил вынужденный симбиоз «имперского наследия» и революционных идей (что из этих идей являлось новаторством, а что заимствованием из европейских торжеств, например, времен Великой французской революции – тоже весьма дискуссионная тема⁴⁴). При общей риторике «разрыва» с прошлым и попытках его «стирания» из памяти современников заметен явный континуитет в вопросах подготовки торжественных мероприятий государственного уровня и в процессе трансформации коммеморативных практик. Несмотря на возросшую вариативность массовых действий и поиски новых форм, во многих раннесоветских торжествах присутствовали позднеимперские мотивы.

Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект «Историко-сравнительный анализ организации столичных торжеств с участием массового зрителя в позднеимперский и раннесоветский периоды (1894–1924 гг.)» № 18-39-00080 мол_а).

Примечания

- 1 Muir E. Ritual in early modern Europe. Cambridge : Cambridge University Press, 2000.
- 2 См.: Лиманова С. А. Столичные торжества Российской империи в царствование Николая II. М. : Кучково поле, 2017.
- 3 Лиманова С. А. Материалы Комитета для устройства празднования 300-летия дома Романовых в РГИА // Археографический ежегодник. М. : Наука, 2019. С. 259–272.
- 4 См.: Уортман Р. С. Сценарии власти. Мифы и церемонии русской монархии : в 2 т. Т. 2 : От Александра II до отречения Николая II. М. : ОГИ, 2004.
- 5 См.: Официальный отчет о деле Распутина (Заимствовано из «Обзора важнейших дознаний по делам о государственных преступлениях за 1895–1896 гг.») // Былое. Париж, 1912. № 14. С. 183–194.
- 6 См.: Записка министра юстиции Н. В. Муравьева о событиях, происшедших на Ходыньском поле в Москве 18 мая 1896 г. // Государственный архив Российской Федерации (далее – ГАРФ). Ф. 564. Оп. 1. Д. 4284. Л. 5 об.
- 7 См.: Записки графов К. И. и К. К. фон-дер Пален по поводу катастрофы на Ходыньском поле в Москве // Российский государственный исторический архив (далее – РГИА). Ф. 1016. Оп. 1. Д. 217. Л. 57–58, 64–95.
- 8 См.: Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Первое столкновение с современной массой : Ходынка // Герасимов И., Могильнер М., Глебов С. Новая имперская история Северной Евразии : в 2 ч. Ч. 2. Казань : Ab Imperio, 2017. С. 392–398.
- 9 Государственный центральный музей современной истории России. Главная инвентарная книга 1757/378 ; 3714/278 а, б ; 3183/32.
- 10 См.: Хаген М. Ленский расстрел 1912 года и российская общественность // Отечественная история. 2002. № 2. С. 60–85.
- 11 См.: Список лиц, убитых и умерших от ран в разных больницах г. С.-Петербурга, полученных 9 января 1905 года // Ведомости СПб градоначальства. 1905. № 18. С. 1.
- 12 См.: Доклад директора Департамента полиции Лопухина министру внутренних дел о событиях 9-го января // Красная летопись. Л., 1922. № 1. С. 330–338.
- 13 Лиманова С. А. «Теперь не старое время, когда толпа в 100 тысяч человек была в диковинку» : Ходынская катастрофа и ее влияние на организацию столичных торжеств в начале XX в. // История России с древнейших времен до XXI века : сборник статей участников Международной научно-практической школы-конференции молодых ученых (Москва, 25 октября 2018 г.). М. : Институт российской истории РАН, 2018. С. 166–174.
- 14 Толстой Л. Н. Николаю II, 16 января 1902 г. // Толстой Л. Н. Собр. соч. : в 22 т. Т. 19–20. Письма. 1882–1910. М. : Художественная литература, 1984. С. 504.
- 15 См.: Лиманова С. А. Запретный Первомай : как боролись с маевками в Российской империи в 1911–1914 гг. // Родина. 2018. № 5. С. 117–119.
- 16 См.: Колоницкий Б. И. «Трагическая эротика» : Образы императорской семьи в годы Первой мировой войны. М. : Новое литературное обозрение, 2010.
- 17 См.: Колоницкий Б. И. Символы власти и борьба за власть : к изучению политической культуры российской революции 1917 года. СПб. : Лики России, 2012.
- 18 См.: Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов в 1917 году : в 5 т. Т. 1. Л. : Наука. Ленинградское отделение, 1991. С. 143–144, 146, 151–152, 180–182, 196, 242–244.
- 19 Суханов Н. Н. Записки о революции : в 3 т. М. : Политиздат, 1991. Т. 1, кн. 1–2. С. 241.
- 20 Там же. Т. 2, кн. 3–4. С. 96.
- 21 ГА РФ. Ф. А-2306. Оп. 2. Д. 179. Л. 41–41 об.
- 22 Луначарский А. В. О народных празднествах // Организация массовых народных празднеств. М. : Гос. изд-во, 1921. С. 3.
- 23 Декреты советской власти : в 2 т. Т. 2. М. : Политиздат, 1959. С. 95–96.

- ²⁴ Луначарский А. В. О массовых празднествах, эстраде и цирке. М. : Искусство, 1981. С. 12.
- ²⁵ См.: Годунов К. В. Образы врагов революции в праздновании годовщины Октября : сожжение изображений противников (1918–1920 гг.) // Вестн. Перм. ун-та. Сер. «История». 2015. Вып. 2 (29). С. 104–112.
- ²⁶ Окунев Н. П. Дневник москвича : в 2 т. Т. 1 : 1917–1920. М. : Военное изд-во, 1997. С. 214–215.
- ²⁷ См.: Конович А. А. Театрализованные праздники и обряды в СССР. М. : Высш. шк., 1990.
- ²⁸ Телеграмма. Русское телеграфное агентство. Из Павлодара. [1919 г.] // ГАРФ. Ф. Р-952. Оп. 1. Д. 538. Л. 1.
- ²⁹ См.: Кустова Э. М. Советский праздник 1920-х годов в поисках масс и зрелищ // Неприкосновенный запас. 2015. № 3 (101). С. 57–77.
- ³⁰ См.: Пиотровский А. И. Хроника ленинградских празднеств 1919–1922 гг. // Массовые празднества. Л. : Academia, 1926. С. 55–84.
- ³¹ Рольф М. Советские массовые праздники. М. : РОССПЭН, 2009.
- ³² Эннкер Б. Формирование культа Ленина в Советском Союзе. М. : РОССПЭН, 2011.
- ³³ Озуф М. Революционный праздник : 1789–1799. М. : Языки славянской культуры, 2003. С. 112–114.
- ³⁴ Tumarkin N. Lenin lives! The Lenin cult in Soviet Russia. Cambridge ; London, 1983. P. 131.
- ³⁵ См.: Российский государственный архив социально-политической истории (далее – РГАСПИ). Ф. 16. Оп. 1. Д. 1. Л. 1–1 об.
- ³⁶ Там же. Д. 48. Л. 1.
- ³⁷ Там же. Д. 16. Л. 13–14.
- ³⁸ Там же. Д. 93–97.
- ³⁹ Там же. Д. 16. Л. 82.
- ⁴⁰ См.: Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). М., 1925. С. 13–14.
- ⁴¹ См.: ГА РФ. Ф. 601. Оп. 1. Д. 2119. Л. 1–2.
- ⁴² См.: Отчет комиссии ЦИК СССР по увековечению памяти В. И. Ульянова (Ленина). С. 3.
- ⁴³ См.: РГАСПИ. Ф. 16. Оп. 1. Д. 16. Л. 118–123.
- ⁴⁴ См.: Лимонов Ю. А. Празднества Великой французской революции в 1789–1793 гг. и массовые праздники Советской России в 1917–1920 гг. // Великая французская революция и Россия. М. : Прогресс, 1989. С. 390–412.

Образец для цитирования:

Лиманова С. А. Особенности организации столичных торжеств в позднеимперский и раннесоветский периоды: пространство, время, идеология // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 4. С. 445–453. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453>

Cite this article as:

Limanova S. A. Special Aspects of Organizing Celebrations in St. Petersburg (Petrograd) and Moscow in 1894–1924: Space, Time, Ideology. *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 4, pp. 445–453 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-4-445-453>